

Год, в котором родился Хо Ци, стал годом окончания десятилетней завоевательной войны нашей империи против Нань Юэ. Старый генерал Хо, добившись славы и совершив подвиги, удалился от дел. Глядя на своего первого внука, он с глубоким чувством высказал надежду, что с момента рождения мальчика в Поднебесной воцарится мир и войны больше не будет. Потому он и дал ему имя Ци, что означало открытие эры мирного правления. Он также определил второе взрослое имя для Хо Ци — Хуаньянь. Хуань означает «великий», Янь — «спокойное море и чистая река», что метафорически означало ясность в управлении и благополучие в мире.

Прошлое рассеялось, как дым, все изменилось, и Поднебесной так и не суждено было стать мирным и хорошо управляемым государством, о котором мечтал дед. Нынешний император в первые годы своего правления провел масштабные и решительные реформы, многие меры поразили современников своей новизной. Но вскоре проявилась его истинная суть — склонность к роскоши, разврату, праздности и удовольствиям. Возможно, после того, как все противоборствующие силы при дворе были уничтожены, император постепенно забросил государственные дела, что привело к невниманию к четырем окраинам, упадку военной подготовки, возобновлению смут на границах и зажжению сигнальных огней. Именно это позже привело к тому, что Хо Ци, приняв назначение в трудную минуту, был отправлен на далекий северо-запад.

Раз уж это был старый друг, Хо Ци не мог просто уйти. Когда он вошел в Павильон Самоидущего Дождя, то узнал того, кто окликнул его. Старый друг был облачен в роскошные одежды, за ним стояли три-четыре хорошенькие служанки. Он бросил последний кусочек благовония в курильницу, хлопнул в ладоши и поднялся.

— Брат Хуаньянь, десять лет разлуки. Как поживаешь?

Человек рядом с ним тоже встал и обратился к Хо Ци:

— Генерал Хо.

Хо Ци смотрел на лицо, показавшееся ему знакомым, и, поразмыслив мгновение, вспомнил: это был наследник князя Нинхэ, Ло Шулан, который на банкете в честь его возвращения в столицу отпускал двусмысленные шутки в адрес Ло Циньяна.

Хо Ци слегка склонился в поклоне:

— Ваш слуга Хо Ци приветствует третьего принца... приветствует князя Цзиньянь, приветствует наследника.

Того, кого называли князем, собственноручно поднял Хо Ци.

— Мы с тобой давно не виделись, все эти формальности ни к чему. Зачем же тебе быть со мной так церемонным?

Сказав это, он приказал служанкам позади:

— Быстрее приготовьте еще один набор винных сосудов. Генерал — мой самый близкий друг, мы много лет не виделись. Сегодняшняя случайная встреча в Павильоне Самоидущего Дождя — не время упускать такую возможность, надо выпить всласть.

Видя его горячее приглашение, Хо Ци не захотел портить настроение.

Когда трое уселись, служанки наполнили три бокала прекрасным вином, только что

вскипевшим в жаровне. В павильоне и так уже витал аромат вина, а теперь он стал еще гуще. Князь поднял бокал, двое других последовали его примеру. После того как они опрокинули несколько полных бокалов, Хо Ци наконец спросил:

— Десять лет не виделись. Князь, надеюсь, все это время вы пребывали в здравии и благополучии?

Князь медленно отпил из своего бокала. Бледный цвет его губ не приобрел ни капли румянца от горячего вина. Он покачал головой с видом самоуничужения.

— Брат Хуаньянь, взглянув на мое нынешнее состояние, поймет, что последние десять лет я прожил нелегко. Да и в городе Шэньюне разве много тех, кто живет хорошо?

— Князь шутит. Шэньюн — столица, средоточие сущности Неба и Земли, где клубятся драконьи энергии. Здесь, естественно, все прекрасно.

— Ха-ха-ха, я все же привык, чтобы брат Хуаньянь звал меня Тяньшэнем. Все эти «князь, князь» — звучит и вправду чуждо.

— Князь шутит. Это уже не десять лет назад. К тому же, существуют различия в статусе. Князь — член императорской фамилии, знатный родственник. Как смею я называть князя по имени прямо.

Слова Хо Ци заставили Ло Тяньшэня помолчать на мгновение. Его длинные, бледные пальцы трижды постучали по винному столику. Вино в котелке на жаровне на столе еще булькало. Прошло немало времени, прежде чем он, со вздохом, ответил:

— Хуаньянь и вправду сильно изменился. Сильно изменился. Кхе-кхе-кхе, кхе-кхе-кхе.

Услышав кашель Ло Тяньшэня, стоявшая рядом служанка немедленно подала шелковый платок. Ло Тяньшэнь прикрыл им губы и лишь спустя некоторое время пришел в себя. Тем временем Ло Шулан налил ему горячего вина. Ло Тяньшэнь принял бокал, выпил и отдышался, только лицо его стало еще бледнее, почти одного цвета с снегом на берегу.

Увидев его в таком состоянии и вспомнив некоторые слухи, доходившие до него, Хо Ци не удержался от вопроса:

— Здоровье князя и впрямь настолько слабо?

А видя, что тот снова и снова пьет вино, не мог не предостеречь:

— Если здоровье не в порядке, князю лучше бы поменьше пить.

Ло Тяньшэнь махнул рукой.

— Ничего, ничего.

Ло Шулан, долго молчавший рядом, наконец вступил в разговор:

— Генерал Хо, вы, наверное, не знаете, но у князя иньская, холодная конституция тела. Каждой зимой его всего знобит от холода, и только горячее вино приносит некоторое облегчение.

Хотя принцы во дворце и росли в неге, с детства они обучались верховой езде и стрельбе из

лука, и их тела никак не могли быть настолько слабыми. К тому же, прежде Ло Тяньшэнь был искусен в верховой езде и стрельбе, владел боевыми искусствами, и здоровье его было отменным. Видно, в тех слухах была доля правды.

Ло Тяньшэнь, видя, как Хо Ци хмурится в раздумьях, сам разрешил его сомнения:

— В народе ходят слухи, что мне подсыпали медленно действующий яд, который постепенно разрушает организм. Эти слухи не лгут.

Такая откровенность испугала сидевшего рядом Ло Шулана, и он воскликнул:

— Князь, как можно...

Князь Цзиньань поднял правую руку, прерывая увещевания Ло Шулана, и устремил прямой взгляд на сидящего напротив бывшего друга. В его взгляде читались три части обиды, три части слабости, а оставшиеся четыре были полны ожидания.

— Хуаньянь столь умен, что не догадается, кто же этот отравитель?

Хо Ци не ответил. Лишь спустя время из уст князя Цзиньаня, сквозь стиснутые зубы, прозвучали три слова: «Ло Тяньчэн».

Между водой и небом внезапно запорхала легкая снежная пыль. Павильон Самоидущего Дождя окутался туманом, земля и небо побелели, все вокруг стало смутным и неясным. Память Хо Ци умчалась на десяток лет назад.

Снова Павильон Самоидущего Дождя. Ло Тяньшэнь, Хо Ци и другие молодые аристократы столицы, все в роскошных парчовых одеждах, с складными веерами в руках. Их упитанных коней слуги привязали неподалеку. Сами же они развлекались в Павильоне Самоидущего Дождя, в шутках и смехе рассуждая о важных делах, указывая перстами на реки и горы.

Весенняя река Ман была прекрасна, очаровательна. Молодые господа, вдохновленные живописными пейзажами, кто-то невольно сочинял стихи и оды, а другие спешили записывать их кистью.

Легкий ветерок ласково дул, вода в реке Ман слегка рябила, набегающая тысячью волн. В Павильоне Самоидущего Дождя раздавались оживленные речи и громкий смех. Ло Тяньшэнь, глядя с берега на прекрасные пейзажи, вздохнул:

— Если однажды мне доведется сжать эти реки и горы в своей руке, я непременно буду лелеять их, любить и беречь, чтобы эти сновидческие земли на тысячу лет оставались незыблемыми.

Он сложил веер, повернулся к стоящему рядом полному задора Хо Ци и пообещал ему:

— Тогда я назначу брата Хуаньяня первым министром, поставив во главе всех чиновников, над десятью тысячами людей, чтобы вместе со мной править и создать процветающую эпоху Весны и Осени.

Хо Ци стоял, заложив руки за спину, на берегу реки. Ветер трепал пряди волос у его висков, отчего он казался еще более статным и одухотворенным. Его глаза горели, в груди, казалось, клокотали тысячи чувств. Услышав обещание Ло Тяньшэня, он ответил:

— Брат Тяньшэнь добр, милосерден и добродетелен, а в груди его — целые ущелья и горные

хребты. Непременно сможешь, держа нефритовую печать, стать драконом. Я же, Хо Ци, скуден талантами и добродетелью, лишь надеюсь занять какую-нибудь должность при дворе, стоять в храме предков и, используя крохи знаний в своей груди, участвовать в управлении государством. Вот и будет мне великое счастье!

В те времена борьба за положение наследника престола при дворе была особенно ожесточенной. Хо Ци и Ло Тяньшэнь подружились еще благодаря поэзии, оба были людьми начитанными, близкими по духу и считали друг друга единомышленниками. Естественно, Хо Ци относился к лагерю Ло Тяньшэня, и его позиция в основном представляла позицию семьи Хо.

Семья Хо из поколения в поколение служила генералами. Старый генерал Хо был важнейшим сановником государства, влияние клана Хо было в зените. Поддержка Хо Ци, несомненно, добавила веса и без того влиятельному Ло Тяньшэню. На какое-то время слухи о том, что третий принц Ло Тяньшэнь займет положение наследника престола, заполонили Шэньюн и едва ли не стали приниматься за правду.

Старый генерал Хо всю жизнь провел в военных походах, в суматохе и спешке, давно устав от жестокости и крови войны. К внуку, которого он растил с младенчества своими руками после того, как тот осиротел, он питал глубочайшую привязанность. Хотя он и заставлял Хо Ци изучать как гражданские, так и военные дисциплины, но больше надеялся, что тот отложит оружие и усовершенствует себя в гражданских науках, чтобы в будущем, заняв высокий пост при дворе, удалиться от мира рек и озер и стать гражданским чиновником.

Хо Ци, конечно, не разочаровал деда. Он был одарен от природы, обладал выдающимися способностями к пониманию, преуспевал и в гражданском, и в военном. В пять лет знал тысячу иероглифов, в шесть сочинял стихи, в восемь создал «Тысячесловие». А теперь, в возрасте всего четырнадцати-пятнадцати лет, уже прославился в Юнцзине, снискав репутацию талантливого литератора.

Хо Ци больше всего восхищался в исторических книгах теми персонажами, которые, находясь за пологом шатра, могли управлять всей Поднебесной. Он считал, что в его груди — целые летописи «Весны и Осени», что он обладает способностями управлять Небом и Землей. Если в будущем он займет высокий пост при дворе, то непременно поразит всех одним махом, будет предлагать советы императору и создаст мир на десять тысяч поколений.

Хотя он и родился в семье военных, в душе не слишком любил военное дело. Ему нравилось говорить о ветре и луне, описывать картины киноварью, он стремился к тому образу жизни литераторов и художников, который связан с романтикой, цветами и луной.

Однако мир подобен театру.

Десять лет прошло. Один из тех пылких, страстных, полных горячего энтузиазма юношей стал молчаливым генералом, другой — слабым и праздным князем.

<http://bllate.org/book/15614/1393979>